

0- 803475

На правах рукописи

КАРАМОВА АЙГУЛЬ АЙРАТОВНА

**СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
(конец XX – начало XXI вв.)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа 2013

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный консультант: заслуженный деятель науки РБ,
Почётный академик АН РБ,
доктор филологических наук,
заслуженный профессор
Васильев Леонид Михайлович

Официальные оппоненты: **Каримова Роза Ахметовна**,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет», кафедра
современного русского языкознания

Сулейманова Альмира Камиловна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Уфимский
государственный нефтяной технический
университет», кафедра русского языка и
литературы

Аюпова Светлана Будимировна,
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный педагогический
университет» им. М. Акмуллы, кафедра
русского языка

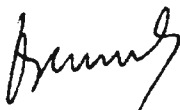
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Самарский
государственный университет»

Защита состоится «24» декабря 2013 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.02 при ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Автореферат разослан «20» ноября 2013 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

В.Л. Ибрагимова

Актуальность исследования. Политический дискурс (ПД) становится предметом активного исследования сравнительно недавно, с конца XX века, что обусловлено, во-первых, интересом к новым процессам в политической сфере и, соответственно, в политической речи, которые возымели место под влиянием смены формаций, во-вторых, развитием демократии, гласности, позволившими свободно, непредвзято, объективно квалифицировать политическую речь.

Политический дискурс как одна из разновидностей дискурса впитал всю многоёмкость, многогранность этого понятия, что даёт возможность его разноаспектного рассмотрения: семиотического (Е.И. Шейгал), когнитивного (А.П. Чудинов, О.Л. Михалёва), сопоставительного (Э.В. Будаев, Е.К. Павлова), коммуникативно-прагматического (Е.В. Кобец, И.Г. Рябцева). С другой стороны, политический дискурс весьма специфичен, по сравнению с другими типами дискурса, что также представляет большой интерес для исследования. Этим объясняется многочисленность работ, посвящённых отдельным особенностям ПД: идеологичности (Э. Лассан, Н.А. Купина, Т. ван Дейк и др.); интертекстуальности (Л.В. Быкова, М.П. Зырянова, М.И. Косарев и др.); манипулятивности (С.Г. Кара-Мурза, О.Л. Михалёва, М.В. Чернякова и др.); экспрессивности (И.А. Чемезова, Е.Б. Плаксина и др.), анализу коммуникативных стратегий и тактик (О.С. Иссерс, Ю.А. Антонова, М.Х. Рахимбергенова и др.), типам ПД (Е.И. Шейгал, Ю.Р. Тагильцева и др.), политической метафоре (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов и др.).

Вместе с тем, обобщающих работ о ПД, дающих его целостную характеристику, совсем немного. Одной из таких работ является диссертационное исследование Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», где с позиций семиотической концепции рассмотрены общие особенности ПД (границы, функции), базовые концепты ПД («власть», «политик»), интенциональные характеристики ПД, охарактеризовано жанровое пространство, выстроена типология знаков ПД (Шейгал Е.А. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. ф. н. М., 2000. 440 с.).

В реферируемой диссертации предпринимается попытка обобщения и критического анализа известных исследований в области ПД, создания целостной картины ПД. При этом за основу рассмотрения современного ПД мы предлагаем взять его главный (коммуникативно-прагматический) аспект, учитывая, во-первых, природу самого дискурса как «сложного коммуникативного явления» (Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 112); во-вторых, особенности ПД, имеющего своей главной целью воздействие на адресата; в-третьих, специфику современного ПД

(большую, по сравнению с ПД советского времени, диалогичность). Говоря о коммуникативно-прагматическом аспекте ПД, мы учитываем его тесную взаимосвязь с когнитивным и социолингвистическим подходами.

Освещение ПД в коммуникативно-прагматическом аспекте предполагает выделение его важнейших свойств. Основная цель, преследуемая адресантом политической коммуникации – воздействие на адресата, ожидаемый результат – формирование у адресата собственных оценок и готовности к активным действиям. В качестве воздействующего арсенала ПД предпочитает средства эмоционально-психологического и скрытого психологического воздействия. Поэтому к основным свойствам ПД следует отнести прежде всего идеологичность, оценочность, экспрессивность, манипулятивность. Комплексное рассмотрение именно этих свойств даёт наиболее целостное представление о современном ПД. Помимо этого, в диссертации говорится (менее подробно) и о других свойствах ПД - институциональности, театральности, мифологичности, интертекстуальности и др.; а также определяются границы ПД, выявляется его структура, характеризуются функции, определяется специфика политической коммуникации, что существенно дополняет целостную картину ПД.

Целью диссертационного исследования является обобщающее, комплексное рассмотрение ПД в его коммуникативно-прагматическом аспекте.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- определить понятие дискурса, в частности ПД, на основе систематизации и критического осмысления имеющихся по данному вопросу точек зрения;

- разработать классификацию дискурсов и определить в ней место ПД;

- обосновать выделение идеологичности, оценочности, экспрессивности, манипулятивности в качестве основных свойств ПД;

- рассмотреть лексические, грамматические, интонационные средства выражения ПД.

Теоретико-методологическая база исследования. Диссертационное исследование опирается на теоретические положения, разработанные в рамках: лингвистики текста (И.Р. Гальперин, Т.М. Николаева, Н.С. Валгина и др.), дискурс-анализа (З. Харрис, П. Серио, М. Фуко, Т. Ван Дейк, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова и др.); политической лингвистики (Дж. Оруэлл, В. Клемперер, Р. Водак, Т. Ван Дейк, П. Серио, Э. Лассан, А.П. Чудинов,

А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов и др.); социолингвистики (Ю.Д. Дешериев, А.Д. Швейцер, Т.Б. Крючкова, Л.П. Крысин и др.); прагмалингвистики (Дж. Остин, Дж. Сёрль, В.И. Шаховский, Г.Г. Почепцов и др.); структурной лингвистики (В.Г. Гак, А.А. Потебня, Л.М. Васильев, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Д.И. Шмелёв, И.А. Стернин и др.); когнитивной лингвистики (Дж. Лаккофф, М. Джонсон, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Т. ван Дейк и др.); политологии и социологии (М. Фуко, С. Московичи, Г. Лебон, К.С. Гаджиев, С. Жижек и др.).

Объектом исследования является современный (перестроечный и постперестроечный) ПД.

Предметом исследования являются основные свойства ПД и средства их выражения.

Методы и методики исследования. Разнородность анализируемых средств, комплексный подход к анализу предопределили разнообразие привлекаемых для исследования методов. С целью анализа материала привлекались методы компонентного анализа, оппозитивного анализа, трансформационного анализа, контекстуального анализа. В ряде случаев применялись элементы концептуального, этимологического, стилистического анализа, метод семантического поля.

Источником фактического материала исследования послужили тексты собственно политических жанров: публичной речи политиков, предвыборных программ политиков, партий и т.д.; жанров ПД СМИ: интервью с политиком, предвыборных теледебатов, дискуссий в прессе и т.д., представленные в печатных изданиях: «Российская газета», «Советская Россия», «Известия», «Московский Комсомолец», «Известия Башкортостана» и др., на телеканалах: ОРТ, Россия-1 и др.; на официальных сайтах Президента России, Председателя Правительства, Государственной Думы, политических партий и др.

Положения, выносимые на защиту.

1. Объектом ПД является политика. Именно она определяет структуру, свойства и функции ПД.

2. Политические тексты, как никакие другие, нуждаются в дискурсивном анализе, предполагающем, помимо освещения собственно лингвистических свойств, анализ условий коммуникации, когнитивных механизмов создания и восприятия текста, широкого экстралингвистического фона (идеологического, политического, социально-экономического, исторического), интертекстуальных связей.

3. В структурировании ПД по тематическому, жанровому, субъектному, временному, национально-культурному параметрам во многом отражена его специфика.

4. Важнейшими свойствами ПД являются идеологичность, оценочность, экспрессивность и манипулятивность. Главное из них – идеологичность: во-первых, идеологичность – специфическое свойство ПД, во-вторых, все тексты ПД идеологически окрашены, в-третьих, идеологичность обуславливает все названные свойства.

5. Применительно к политической коммуникации целесообразно говорить об особом, идеологическом, виде воздействия. Основными его способами являются оценочность (в частности, социально-политическая оценка), экспрессивность и манипулятивность.

6. Языковыми и речевыми средствами идеологического воздействия ПД являются специфические лексико-фразеологические средства (идеологемы, лексика и фразеология с социально-политической оценкой, политическая метафора, метонимия и фразеология), словообразовательные средства (экспрессивные аффиксы и способы экспрессивного словообразования), формообразовательные средства (местоимения, номинализация), синтаксические средства (неопределённо-личные конструкции, пассивные конструкции, оценочные конструкции, экспрессивные конструкции), интонационные средства (эмоциональные ИК, средства «нейтрального инвентаря» (Йокояма О. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций // ВЯ. 2003. № 5. С. 113)).

7. Идеологические, оценочные, экспрессивные средства ПД обладают (в большей или меньшей степени) суггестивным (внушающим) потенциалом, что позволяет эксплуатировать их не только по прямому назначению, но и в манипулятивных целях.

Научная новизна диссертационного исследования заключена в следующем: обобщён и критически осмыслен обширный теоретический и аналитический материал в области изучения современного ПД; предпринята попытка комплексного описания ПД (определение границ, выявление структуры, определение и описание основных особенностей, анализ разноуровневых средств выражения); разработана разноаспектная классификация текстов ПД; обоснован подход к идеологичности, оценочности, экспрессивности, манипулятивности как к основным свойствам ПД; обоснован подход к идеологичности как к главному свойству ПД, предопределяющему все остальные свойства; обосновано выделение социально-политической оценки в структуре оценочных значений, определено её место в этой структуре; обоснована целесообразность разноаспектного подхода к политической метафоре: структурно-семантического (как к основному экспрессивному средству), когнитивного (как к способу познания политической действительности); систематизирован и проанализирован

обширный фактический разноуровневый (лексико-фразеологический, грамматический, фонетический (интонационный)) материал, характеризующий разные свойства ПД.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней углублена теория дискурса, обоснован научный подход к комплексному анализу политического дискурса, разработаны и апробированы методики анализа разных средств выражения основных свойств ПД, разработаны разноаспектные классификации лексико-фразеологических идеологических, оценочных, экспрессивных средств, выявлены основные и вспомогательные средства ПД.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании таких лингвистических дисциплин, как «Современный русский литературный язык» (разделов «Лексикология. Фразеология. Лексикография», «Морфология», «Синтаксис») «Общее языкознание», «Стилистика русского языка», спецкурсов по политической лингвистике, публицистическому дискурсу, дискурсивному анализу, в том числе и критическому, лексической семантике. Результаты анализа лексических средств могут быть использованы в практике составления словарей разных типов. Материалы исследования могут быть полезны в преподавании политологии, истории, психологии. Исследование манипулятивных средств политического дискурса имеет социальную значимость, поскольку демонстрирует необходимость критического осмысления политических текстов, способствует тем самым выработке механизмов защиты от манипуляций.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано около 40 работ (в том числе 9 – в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, две монографии, одно учебное пособие по спецкурсу) общим объёмом приблизительно 40 п.л. Основные результаты работы были представлены на международных конференциях (Стамбул 2011; Уфа 2012; Бирск 2008, 2009, 2010, 2011, 2012; Белово 2012), на всероссийских конференциях (Пенза 2000; Бирск 2001); на региональных конференциях (Уфа 2001; Бирск 2003, 2004, 2005, 2006, 2007); на межвузовских конференциях (Уфа 2002, 2005, 2007, 2011). Результаты работы обсуждались на заседании кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета (сентябрь 2013 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во **введении** мотивируется актуальность исследования, формулируются его цель и задачи, определяется объект исследования, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту, определяются методы исследования.

В **первой главе «Понятие дискурса в современном языкознании»** определяется общее понятие дискурса, выявляются его типы.

Дискурс – многоаспектное понятие, поэтому при его определении, прежде всего, исходят из конкретных исследовательских целей. Так за основу определения дискурса берут подходы: структурной лингвистики (З. Харрис, В.А. Звегинцев, К.А. Филиппов и др.); семиотики (Д. Арнасон, Н.Ф. Алефиренко, Е.И. Шейгал и др.); прагмалингвистики (Р. Якобсон, Ю. Руднев Т. ван Дейк, Н.Д.Арутюнова, В.А. Макаров, В.В. Красных, В.Е. Чернявская и др.); социолингвистики (Т. ван Дейк, Н. Фэрклоу и др.); психолингвистики (Н.Ф. Седов, Л.М. Терентий, Е. Переверзев и др.); когнитологии (Т. ван Дейк, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, О.Л. Михалёва и др.); сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии (В.И. Карасик, Е. Кожемякин, В.Б. Кашкин, Е. Переверзев и др.).

Разные определения дискурса зачастую не противоречат друг другу, а взаимодополняют друг друга, уточняя понятие. Во многих трактовках дискурса поэтому наблюдается синтез разных направлений (Т. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик и др.).

Всю многомерность понятия дискурса наиболее удачно, на наш взгляд, отражает определение его как «сложного коммуникативного явления» (Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. С. 112), конкретнее - как «коммуникативного события» (Там же, с. 122), «наполненного прагматическим содержанием, личностными и социальными характеристиками коммуникантов, а также важными параметрами денотативной ситуации» (Сергеева Л.А. Антропосфера дискурса. Уфа: Гилем, 2007. С. 121). Помимо того, такая трактовка дискурса учитывает тесную взаимосвязь коммуникативно-прагматического, когнитивного, социолингвистического аспектов его исследования (что имеет наибольшую важность для ПД).

Таким образом, мы подходим к определению дискурса комплексно: взяв за основу определения коммуникативно-прагматический аспект, учитываем его взаимосвязь с когнитивным, социолингвистическим подходами.

Осознавая, что определение дискурса как «коммуникативного события» является достаточно общим, мы уточняем его в свете

соотношения понятий дискурса со смежными понятиями (речью, текстом, речевым актом, речевым жанром, стилем).

Дискурс и речь. Факт того, что дискурс соотносим с речевым аспектом языка, бесспорен. Определение дискурса как «коммуникативного события» уточняет характер этого соотношения. Дискурс – это не речь вообще, рассматриваемая в отрыве от экстралингвистических условий её осуществления, а речь, «погруженная в жизнь» (Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 137).

Дискурс и текст. Из всего множества трактовок соотношения понятий текста и дискурса (текст – единица языка vs дискурс – единица речи; дискурс – процесс речевой деятельности vs текст – результат речевой деятельности; письменный текст vs устный дискурс; дискурс = речь (устная) + текст (письменный) и др.) в настоящем диссертационном исследовании принимается точка зрения, согласно которой текст как результат речевой деятельности является частью дискурса. Дискурс при этом возводится до статуса речи в широком понимании, с учётом разграничения его процессуального и результативного аспекта (дискурс как процесс – собственно дискурс, дискурс как результат – тексты, а также их совокупность). При таком понимании тексты представляют собой «эмпирический базис для описания дискурса» (Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 75). При этом текст становится объектом дискурсивного анализа, включающего, помимо исследования собственно лингвистических особенностей текста, анализ когнитивных механизмов его порождения и восприятия, коммуникативных условий его осуществления, ситуации его протекания. Выявленное соотношение понятия дискурса и текста обосновывает правомерность представленного в трудах большинства исследователей определения дискурса через текст (осложнённого дискурсивными характеристиками, анализируемого в дискурсе).

Дискурс и речевой акт. Речевой акт, по мысли самих теоретиков теории речевых актов (Дж. Остина, Дж. Р. Сёрля и др.), претендует на понимание его как минимальной, основной единицы речевого общения. При этом подчёркивается его процессуальный характер. Поэтому наиболее распространена точка зрения, что дискурс (как и текст) создаётся последовательностью речевых актов (см.: Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 412). Таким образом, выявление соотношений понятий дискурса и речевого акта

способствует определению структуры дискурса, устанавливает связь между дискурсом и процессом его порождения, а также определяет его прагматическую сущность.

Дискурс и речевой жанр. Речевой жанр, по определению М.М. Бахтина, - это относительно устойчивый тип высказывания, характеризующийся единством темы, стиля, композиции, обусловленным спецификой конкретной сферы общения (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 250). Мы подходим к определению объёма РЖ текстоцентрически. И тогда, по логике, речевой жанр состоит из речевых актов (высказываний). Будучи типом текста, речевой жанр понимается нами как разновидность дискурса.

Дискурс и стиль. В плане сопоставления с понятием дискурса интересны два из значений термина «стиль»: «функциональный стиль» и «индивидуальный стиль, идиостиль». Несмотря на близость понятий дискурса и функционального стиля, они лежат в разных плоскостях анализа текста. Стилистический анализ – анализ текстового уровня. Дискурсивный анализ характеризуется более широким подходом. Что касается соотношения дискурса и идиостиля, то если расширить анализ последнего до уровня дискурс-анализа, то вполне правомерно считать, что идиостиль – это индивидуальный дискурс, то есть разновидность дискурса.

С учётом всего вышесказанного, дискурс - это представленный особыми речевыми средствами текст, соотносимый с определённой коммуникативной ситуацией (с историческим, социально-культурным, политическим, идеологическим, психологическим и др. контекстом; с системой коммуникативно-прагматических установок; с когнитивными процессами порождения и восприятия). Такое понимание дискурса базируется на интерпретации его как «коммуникативного события» (Т. ван Дейк), включающего процесс и результат реального акта коммуникации. Определение, данное через текст, уточняет «эмпирический базис» (В.Е. Чернявская) исследования дискурса, что для лингвистических исследований весьма важно.

Данное понимание обосновывает выделение разных, обусловленных экстралингвистическими факторами, типов дискурса.

При типологии дискурса целесообразно исходить из его многоаспектности. При этом за исходное, наиболее общее основание следует взять сферу коммуникативной деятельности, которая, в свою очередь, обуславливает тематическое (содержательное) своеобразие дискурса: политический, публицистический, научный, религиозный, образовательно-педагогический и др. типы. Универсальная, инвариантная типология для всех этих типов дискурса будет

производиться по разным основаниям: по тематике (частным темам); по жанровому критерию: по иллокутивной характеристике жанра; по форме передачи информации жанра; по внешней форме жанра; по месту жанра в полевой структуре дискурса; по способу выражения жанра; по характеру субъекта; по временному плану; по национально-культурному параметру.

Данная схема предполагает последующее дополнение, спецификацию при описании конкретного тематического типа дискурса.

Во второй главе «**Политический дискурс**» определяется понятие ПД; намечается терминологический аппарат его изучения; очерчиваются его границы; определяются функции; выявляются и получают теоретическое освещение важнейшие свойства ПД: идеологичность, оценочность, экспрессивность, манипулятивность; разрабатывается типология ПД.

Политический дискурс определяется как представленные особыми речевыми средствами тексты, соотносимые с теми ситуациями общения, которые связаны с политической сферой жизнедеятельности людей.

К терминологическому аппарату изучения ПД отнесём следующие понятия (следуя за А.П. Чудиновым (Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.)).

Политическая коммуникация - «процесс общения между участниками политической деятельности» (Там же, с. 30). Адресант политической коммуникации - чаще всего не отдельный человек (политик или журналист), а политический институт (государство, властные структуры, политическая партия, идеологический институт). Этим определяется свойство институциональности ПД. Адресат политической коммуникации двухкомпонентный: прямой адресат (оппонент) и адресат-наблюдатель (всегда массовый, народ). Наличие двух адресатов обуславливает свойство «театральности» ПД. Основная цель политической коммуникации – воздействуя на адресата, способствуя тем самым формированию определённой («правильной», с точки зрения субъекта) языковой картины политического мира, побудить его к определённым («правильным») оценкам, действиям. Применительно к ПД следует говорить об особом, идеологическом воздействии, наиболее эффективными видами которого являются эмоционально-психологическое убеждение и скрытое психологическое манипулирование. Для политической коммуникации особенно важно взаимодействие её субъектов. Это взаимодействие проявляется во-первых, на уровне обработки информации (кодирования её адресантом

и декодирования адресатом). Во-вторых, взаимодействие проявляется на уровне смены коммуникативных ролей: адресат (прямой или наблюдатель) становится адресантом коммуникации, реагируя на информацию (словом, молчанием или действием; мгновенно или замедленно - согласно широкому пониманию диалога).

Политический язык рассматривается как особая знаковая подсистема национального языка. Роль системообразующего стержня политического языка выполняет общественно-политическая лексика (ОПЛ) как особая лексико-фразеологическая подсистема современного литературного языка. В состав ОПЛ включаются терминология профессиональной политической сферы общения, а также, вслед за Т.Б. Крючковой, «названия различных государственных, партийных и других общественных организаций и учреждений, социальных институтов, наименований социальных реалий и явлений жизни разных стран, также так называемые идиомы средств языка массовой коммуникации» (Крючкова Т.Б. Стихийное и целенаправленное в развитии общественно-политической лексики и терминологии (на материале исследования языков ГДР и ФРГ) // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1998. С.16).

Языковая картина политического мира (ЯКПМ) – «сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу» (Чудинов А.П. Политическая лингвистика. С. 43). Концепты, по одному из наиболее удачных определений, - это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» (Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. С. 24). Политический концепт определяют как элемент «национального политического сознания» (Чудинов А.П. Политическая лингвистика. С. 43). К базовым политическим концептам следует отнести концепты «власть», «политик» (Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. С. 95-131), оппозицию «свой/чужой». Стереотип – «это схематическое и стандартное представление о политическом феномене, отличающееся устойчивостью и эмоциональной окраской» (Чудинов А.П. Политическая лингвистика. С. 46). Под политическими ценностями понимается «то, что субъекты политической деятельности (конкретные люди, политические движения, партии и др.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться», под антиценностями – «то, что воспринимается как нежелательное, вредное, против чего борются субъекты политической деятельности» (Там же, с. 48).

При определении границ ПД мы опираемся на точку зрения Е.И. Шейгал, согласно которой дискурс можно считать политическим, если хотя бы одна из трёх его составляющих (содержание, субъект, объект) соотносима со сферой политики (Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. С. 46). При этом, прежде всего границы ПД определяются его содержанием, которое обусловлено сферами политики. К сфере политики, в свою очередь, относятся следующие понятия: политическая идеология (политические идеи, концепции, идейно-политические направления); политические системы, политический строй (демократия, теократия, авторитаризм, тоталитаризм); сферы политической деятельности (внешняя и внутренняя политика, экономическая политика, правовая политика, национальная политика и т.д.); политические процессы, действия, меры; субъекты политики (политические институты (государство, властные структуры, политические партии, избирательная система, силовые структуры, идеологические институты); социальные, этнические, профессиональные, религиозные и др. группы; политические деятели, граждане).

В плане определения границ ПД актуален вопрос о его соотношении с дискурсом СМИ. С одной стороны, следует различать эти два самостоятельных типа дискурса (поскольку тексты политической направленности в СМИ – это не всегда ПД в чистом виде), с другой – нельзя не признать их тесную связь (поскольку непосредственное общение политиков с массами практикуется редко, и мы чаще всего вынуждены воспринимать ПД сквозь призму подачи СМИ). В связи с этим исследователи оперируют понятием «политический дискурс СМИ» (Никитина К.В. Технология речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): дисс. ... к.ф.н. Уфа, 2006. С. 31-32), охватывающим зону пересечения двух типов дискурсов.

ПД выполняет как общеязыковые, так и специфические функции. К последним относят инструментальную функцию (борьба за власть) (см.: Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. С. 58-59; Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. М.: Ин-т языкозн. РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. С. 145 и др.). К важнейшим свойствам ПД мы относим: идеологичность, оценочность, экспрессивность, манипулятивность.

Идеологичность. Само понятие идеологии определяется как система идей, характеризующих определённую социально-политическую группу. Любая идеология выстраивается на оппозиции «свой/чужой». Компонент «свой» на этой шкале занимает зону

«правильный, соответствующий норме (положительный)»; компонент «чужой» - зону «неправильный, не соответствующий норме (отрицательный)».

Одним из способов выражения идеологии, одним из принципов её выстраивания является политический миф. Политические мифы – это «устойчивые, ложные, некритические, эмоционально окрашенные образы и представления о политических событиях, явлениях и процессах» (Новейший политологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 150). В мифе сложным образом переплетаются истинное (достоверное) и ложное (неистинное, недостоверное). Чтобы уяснить характер этого взаимодействия, необходимо учитывать два фактора: цель, основу создания мифа, а также особенности его восприятия. Это позволит различать два вида мифов: миф как специальный манипулятивный приём (собственно миф, изначально недостоверное высказывание): *враг народа, выполнение интернационального долга в Афганистане*; и миф как несостоявшуюся идею (идею-миф, изначально достоверное высказывание): *светлое коммунистическое будущее*.

В зависимости от содержания идей, положенных в основу политической идеологии, выделяют следующие её типы: консерватизм, либерализм (XVIII в.); социалистические идеологии (социал-демократия, утопический социализм, марксизм), анархизм (XIX в.); национальные идеологии (фашизм, национал-социализм), коммунистическая идеология (марксизм-ленинизм) (XX в.); неоконсерватизм, неоллиберализм, неомарксизм (конец XX – нач. XXI вв.) (Новейший политологический словарь. С. 100-101).

Идеология как сущностная характеристика политики естественно отражена в ПД. Под идеологичностью ПД следует понимать отражение в нём идеологической позиции адресанта, преследующего цели формирования у адресата, посредством идеологического воздействия, определённой картины политического мира.

Любое воздействие в ПД имеет идеологический характер. Цель идеологического воздействия ПД – доказать «единственную верность» определённых идей, сформировать в сознании адресата «единственно идеальный» вариант общественного устройства. Поэтому любой текст ПД идеологически окрашен. Идеология структурирует политический текст, определяет цели его создания, являясь, по сути, его адресантом. Идеология, преследующая цели привлечения на свою сторону как можно большего числа приверженцев, «диктует» выбор оптимальных для решения своих целей коммуникативных стратегий ПД, языковых средств их реализации. В связи с этим напрашивается вывод о том, что идеологичность – это основное, главное свойство ПД.

Оценочность. Оценка понимается нами как логико-семантическая категория, соотносимая с аксиологической шкалой «хорошо / плохо», в соответствии с чем определяется как положительная или отрицательная характеристика объекта, основанная на мнении о соответствии или несоответствии его ценностной (идеализированной) картине мира (см.: Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 232 с.; Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с. и др.). Специфика оценки проявляется в следующем: в противопоставлении её дескрипции; объективно-субъективном характере; по-разному, в зависимости от типа оценки, проявляющемся характере истинности. Оценка, включённая в контекст, имеет вид структурно организованной модальной рамки, которая не совпадает ни с логико-семантическим, ни с синтаксическим построением предложения (Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. С. 22). Различают четыре основных структурных компонента оценочного значения: субъект, предмет, характер, основание (Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. С. 163). Выделяют следующие типы оценок: 1) общую: *хороший - плохой* и частную: *красивый - безобразный* (по степени соотношения объективного и субъективного); 2) рациональную: *хороший - плохой* и эмоциональную: *отличный - скверный* (по характеру оценки); 3) понятийную: *красивый - безобразный* и коннотативную: *медведь, лиса 'человек'* (по месту оценочного компонента в структуре значения); 4) эксплицитную (открытую) и имплицитную (скрытую) (по степени выраженности); 5) ингерентную и адгерентную (по отношению к системе языка).

Применительно к ПД целесообразно говорить об особом, только ему присущем, типе частной оценки – социально-политической оценке (СПО). Специфика СПО проявляется прежде всего на уровне её структуры.

Основание СПО. СПО как частная оценка сближается с такими типами оценок, как этические: *конъюнтуристик, приватизация*; утилитарные: *тоталитаризм, диверсия (экономическая)*; нормативные: *кризис (экономический), девальвация (рубля)*, телеологические: *убыточность, нерентабельность (предприятия)* и т.д. Вместе с тем, основания СПО, сближаясь с другими известными основаниями, не тождественны им. Телеологические, нормативные, этические основания в структуре СПО усложняются, приобретают общественно-политическую окраску. Поэтому имеет смысл говорить об особом типе основания - социально-политическом (социально-политическом этическом, социально-политическом телеологическом и т.п.).

Объект СПО имеет довольно чётко очерченные границы. Он соотносён со сферами политики (обозначенными выше). Классифицирующая значимость объекта СПО проявляется в том, что он «окрашивает» основание СПО, связывая его с политической сферой.

Субъект СПО – в подавляющем большинстве не отдельное лицо, а часть социума либо социум в целом, что связано с институциональностью ПД. Средством выражения субъекта СПО являются местоимение *мы*-эксклюзивное в значении «мы-партия»; *мы*-инклюзивное в значении «мы-партия + народ»; *я* в значении «я + партия» (где «партия» - общее обозначение институциональности).

Характер СПО по преимуществу сравнительный, что объясняется идеологической обусловленностью ценностной картины политического мира (когда «своё» - хорошее, правильное, постоянно сравнивается с «чужим» - плохим, неправильным), а также прагматической направленностью политических текстов (убедить в правильности «своей» точки зрения).

Помимо структурных особенностей, СПО обладает такими специфическими чертами, как нестабильность, изменчивость под влиянием экстралингвистических факторов (формирование, нейтрализация, поляризация оценок); идеологическая двуоценочность (термин И.А. Стренина (см.: Стренин И.А. Оценочность слова в языке и речи // Исследования по семантике. Уфа, 1990. С. 25)), которая даёт основание к выделению особого подтипа СПО - идеологической оценки (об идеологической оценке упоминается также: Чудинов А.П. Политическая лингвистика. С. 64); способность выполнять специфические функции (в частности, манипулятивную).

Учитывая неоднозначность рассмотренных выше классификационных критериев СПО, целесообразно признать её особое место в кругу частных оценок. Наверное, её следует выделять как одну из разновидностей тех оценок, которые могут иметь социальную значимость: этической, утилитарной, нормативной, телеологической.

Экспрессивность. Мы подходим к определению понятия экспрессивности, учитывая её разноаспектный характер: как функциональной (коммуникативной) категории и как лексической (семантической) категории (см. подр.: Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков. Уфа: БашГУ, 2006. С. 70-72). Функциональный аспект экспрессивности не может быть корректно интерпретирован без обращения к семантическому, поскольку именно на лексическом материале наиболее последовательно прослеживаются сами механизмы экспрессивности как сложное взаимодействие «субъективно

ориентированных функций языка» (Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора и её прагматические ориентации // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 31). Помимо того, лексические средства являются одним из основных экспрессивных средств текста.

Экспрессивность на структурно-семантическом уровне понимается как «суммарный итог, получаемый в результате взаимодействия ряда субъективно ориентированных» компонентов значения (Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36-66). При таком понимании экспрессивность соотносится с коннотацией - информацией, дополняющей предметно-понятийное содержание слова и способной к созданию экспрессивного эффекта. Основными компонентами коннотации являются эмоциональный, оценочный, ассоциативно-образный.

Эмотивность - это «отражение в языке и речи разных эмоциональных состояний субъекта, характеризующих отношение субъекта к окружающему его миру и обусловленных особой значимостью для него отдельных явлений и ситуаций» (Тарасова М.В. О когнитивном основании эмотивности // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 37). Эмотивность ЛЗ обусловлена наличием в его структуре эмоционального компонента.

Оценочность. К созданию экспрессивного эффекта способна эмоциональная оценка, выделяемая в противоположность рациональной. Эмоциональная оценка - «мнение субъекта (индивидуального или коллективного) о ценностях некоторого объекта, которое проявляется не как логическое суждение, а как ощущение, чувство, эмоции говорящего» (Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.). Оценочность и эмотивность являются самостоятельными семантическими категориями (ср. слова рациональной оценки типа *хороший*, *красивый* и неоценочные эмотивы со значением ласки типа *солнышко*, *золотце*), отражёнными в структуре ЛЗ в качестве эмотивных и оценочных компонентов, которые, однако, чаще всего выступают во взаимодействии.

Образность. Сам образ - это когнитивная сущность, в нём отражается преимущественно субъективное отношение к действительности. Источником формирования образа служит различного рода восприятие: зрительное (по преимуществу), обонятельное, осязательное, вкусовое, абстрактное, кинетическое (Теоретическая поэтика: понятия и определения: хрестоматия для

студентов. М.: РГГУ, 2002. С. 41). Словесный образ, заключённый во внутренней форме слова – это ассоциативно-образный компонент ЛЗ.

Образ всегда эмоционален (если, конечно, это «живой», а не «стёршийся» образ). Вместе с тем, не всякая эмоциональность образа (ср., например, такие эмоциональные безобразные номинации, как *дитяtko, золотце, насмехаться, обижать*). Оценочные наименования также необязательно образны (ср., например, слова с рациональной оценкой: *красивый, полезный*, а также с эмоциональной оценкой типа *прелестный, ужасный*). В свою очередь, образные наименования также могут быть неоценочными: *море цветов, океан любви*.

На уровне текста экспрессивность как «система (набор) использованных в нём языковых средств, которая позволяет наиболее выразительно представить содержание текста и отношение автора к нему, вследствие чего усилить воздействие на эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы реципиента» также представляет собой «интегральный результат» взаимодействия эмотивности, оценочности, образности, а кроме того, интенсивности, стилистической маркированности, структурно-композиционных особенностей текста (Маслова В.А. Параметры экспрессивного текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 183).

Экспрессивность в ПД имеет свои особенности. Во-первых, применительно к ПД целесообразно говорить о так называемой социально-политической экспрессивности, имеющей в своей основе эмоционально-оценочную модальность (выраженную СПО). Во-вторых, значительную часть оценочно-экспрессивных наименований в ПД составляют образные экспрессивы, что связано с особенностями самой политической коммуникации, где взаимоотношения «субъект↔объект» зачастую представлены разновидностью «вождь↔толпа». А по замечанию Г. Лебона, толпа «мыслит образами» (Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Макет, 1995). В-третьих, следует отметить ярко выраженную пейоративную социально-политическую экспрессивность, часто переходящую в речевую агрессию, что вызвано главным свойством политики – агональностью.

Манипулятивность. Манипуляция в современном понимании – явление прежде всего психологическое, связанное с управлением сознанием и, далее, – действием. В психологии манипуляция понимается как внушение, или суггестия. Основным средством внушения является язык, поэтому если ставить во главу угла способы осуществления манипуляции, то под ней следует понимать прежде всего манипуляцию речевую. Отсюда, манипуляция – имплицитное речевое воздействие на подсознание адресата с целью корректировки

имеющейся у него картины мира, формирования мотивов выгодного для адресанта поведения. Основным признаком манипуляции, в отличие от убеждения, следует считать скрытый характер намерений адресанта, а также неосознанность восприятия адресатом внушаемой информации.

Манипуляция – особый вид политической коммуникации, взаимодействие манипулятора и манипулируемого. Характеристики манипулятора отрицательны: манипулятор руководствуется неблагоприятными целями достичь односторонней выгоды; относится к адресату «сверху вниз», лишь как к объекту воздействия, не признавая в нём наличия собственного устойчивого мнения, своей позиции (Чернякова М.В. Реализация манипулятивного потенциала концептуальной метафоры в российском и американском политическом нарративе, посвящённом войне в Ираке в 2003-2004 гг.: дисс. ... к.ф.н. Ек-г, 2007). Манипулируемыми чаще всего оказываются люди, поддающиеся внушению, позволяющие собой манипулировать, не замечая самого факта внедрения в их сознание выгодных для манипулятора мотивов поведения. Применительно к ПД, это люди с пассивной гражданской позицией, неустоявшимися политическими взглядами, несформировавшимся политическим мировоззрением. Вместе с тем, сам массовый характер политической коммуникации предопределяет возможность манипуляций. По мысли Г. Лебона, С. Московичи, коллективный адресат (толпа) наиболее внушаем, поскольку сознание индивидуально, а бессознательное – коллективно (Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Макет, 1995; Московичи С. Век толп. Исторический трактат психологии масс. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996. 478 с.). Кроме того, манипуляции осуществляются посредством тщательно продуманных способов речевого поведения – коммуникативных стратегий.

При всём многообразии манипулятивных стратегий, главными из них (учитывая саму природу манипуляций) правомерно считать стратегию имплицирования (использования конвенциональных (пресуппозиций) и неконвенциональных (речевых) имплицатур, по Г.П. Грайсу) (см.: Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 112-118) и редуцирования (сведения сложного к простому) (см.: Рахимбергенова М.Х. Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически «чужого» в российской прессе: дисс. ... к.ф.н. Ек-г, 2008. 192 с.; Миронова П.О. Стратегия редуционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: дисс. ... к.ф.н. Омск, 2003. 184 с.).

Манипуляции в ПД приобретают в настоящее время масштабы серьёзной социальной проблемы, в связи с активным внедрением и массовым проявлением. Поэтому чрезвычайно актуален вопрос о психологической защите от манипуляций. С этим связано активно развивающееся направление дискурсивного анализа, которое изучает способы и средства манипулятивного воздействия политических текстов, - критический дискурс-анализ (Р. Водак, Н. Фэрклоу, П. Серио, Т. ван Дейк и др.).

Таким образом, рассмотрение ПД в коммуникативно-прагматическом аспекте предопределило выделение в качестве основных его свойств (помимо идеологичности - главного свойства ПД), оценочности, экспрессивности, манипулятивности.

Структура ПД. Взяв за основу разработанную типологию дискурсов, уточнив её с учётом специфики ПД, можно предложить следующую классификацию ПД.

1. По тематике - дискурс, имеющий своим предметом: идеологию (дискурс о социализме и др.); политические системы (дискурс о тоталитаризме и др.); сферу политической деятельности (внешнеполитический дискурс и др.); политические процессы, события, действия (дискурс выборов и др.); субъектов политики (дискурс о политическом деятеле и др.).

2. По жанровому критерию: по иллюкции жанра: информативные (новости и др.); этикетные (инаугурационное обращение и др.); императивные (лозунг и др.); оценочные (политическая реклама и др.); по форме передачи информации жанра : письменные (политические мемуары и др.); устные (теледебаты и др.); по внешней форме жанра: монологичные (новогоднее поздравление Президента и др.); диалогичные (интервью и др.); по месту жанра в полевой структуре ПД: прототипные (парламентские дебаты и др.); маргинальные (памфлет и др.); по каналу передачи информации жанра: не опосредованные СМИ (политический митинг и др.); опосредованные СМИ (газетные: очерк и др., телевизионные: теледебаты и др., интернет-жанры: блог и др.; радио-жанры: радио-новости и др.); по способу выражения жанра: вербальные; паралингвистически осложнённые жанры (политические плакат и др.); по степени афористичности жанра: афористичные жанры (лозунг и др.).

3. По характеру субъекта: институциональный дискурс (дискурс политических партий и др.); индивидуальный, личностный дискурс (дискурс политического деятеля и др.)

4. По временному плану: советский дискурс; перестроечный дискурс; постперестроечный (новейший) дискурс.

5. По национально-культурному параметру: русский (российский) дискурс; американский дискурс; немецкий дискурс и т.д.

Анализ структуры ПД на основе универсальной типологии выявляет его специфику, которая проявляется: в наличии специфических типов (например, жанры, опосредованные СМИ), в специфическом наполнении универсально выделяемых типов (например, аналитическая разновидность информационных жанров), в количественном соотношении типов (например, преобладание информационно-оценочных, информационно-аналитических, императивно-оценочных жанров).

В третьей главе «Языковые средства политического дискурса» систематизируются и анализируются лексико-фразеологические, грамматические, интонационные средства выражения основных свойств ПД: идеологичности, оценочности, экспрессивности, манипулятивности.

Идеологические средства. Основным средством выражения идеологии в языке являются лексико-фразеологические средства – идеологемы. Идеологема – это «слово, в значение которого входит идеологический компонент» (Чудинов А.П. Политическая лингвистика. С. 92; см. также: Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: Изд-во Уральского ун-та, 1995. 144 с.; Воробьева О.И. Политическая лексика: Семантическая структура. Текстовые коннотации. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. 95 с. и др.), языковая репрезентация идеологического концепта. Границы идеологем обусловлены: чувствительностью их к идеологической оппозиции «свой/чужой»; денотативной соотнесённостью с идеологически значимыми сферами; наличием в структуре ЛЗ идеологического компонента (хотя бы потенциального).

Идеологемы различаются по разным основаниям: по месту и статусу идеологического компонента в структуре ЛЗ, по тематике, по временному плану и т.д. Наиболее последовательно, на наш взгляд, прослеживается структуризация идеологем по месту и статусу идеологического компонента в структуре ЛЗ, в соответствии с чем в составе идеологем последовательно прослеживаются следующие группы.

1. Собственно идеологемы – лексика и фразеология с идеологическим макрокомпонентом, то есть единицы, в которых всё денотативное содержание сводится к идеологическому. Среди собственно идеологем выделяются:

а) идеологические лексемы (полные идеологемы) – однозначные идеологические слова, а также многозначные, все ЛСВ которых содержат идеологический компонент. К этой группе относятся слова.

обозначающие: идеологии, идеологические учения, теории: коммунизм, светлое коммунистическое будущее, фашизм и др.; идеи, принципы, положенные в основу идеологий: диктатура пролетариата; *От каждого - по способностям, каждому - по его труду; От каждого - по способностям, каждому - по его потребности* (идеологические принципы марксистско-ленинской идеологии); общественно-экономические формации и общественный строй, характеризующий формацию: феодализм, капитализм, социализм и др.; идеологически значимые реалии, события: Великая Октябрьская социалистическая революция, перестройка и др.; идеологические течения, направления, партии: коммунизм, меньшевизм, партия власти, КППФ, ЛДПР и др.; представителей, последователей или противников идеологий, идеологических течений, партий: белогвардеец, красновардеец, марксист-ленинист, в том числе и конкретных идеологов: *вождь революции* (о В.И. Ленине); *вождь всех народов* (об И.В. Сталине); *главный архитектор перестройки* (о М.С. Горбачёве) и др.; символы идеологий: марсельеза; Интернационал и др.;

б) идеологические значения лексем (неполные идеологемы) – многозначные слова, одно (или более, но не все) ЛСВ которого содержат идеологический компонент. Они обозначают: идеологии, идеологические учения, теории: консерватизм, либерализм и др.; идеологически значимые реалии, события: пятилетка, массовка и др.; идеологические течения, направления, партии: диссидентство, оппозиция и др.; представителей, последователей или противников идеологических течений, направлений, партий: левый, правый, белый, красный и др.; символы идеологий: свастика.

2. Идеологизированная лексика – слова и фразеологизмы, денотация которых осложнена идеологическим микрокомпонентом, отражающим субъективное отношение определённой идеологии к обозначаемому понятию в виде квалификации «свой/чужой». В этой группе, как и в случае с собственно идеологемами, выделяются:

а) идеологические лексемы (полные идеологемы). К этой группе относятся преимущественно слова, обозначающие, с позиции социалистической идеологии, понятия из области «свой» или «чужой». К категории «своего» относятся слова, обозначающие: угнетаемое капитализмом сословие: рабочий, пролетарий и др.; социалистические реалии: пролетаризация, коллективизация и др. К категории «чужого» относятся слова, обозначающие: эксплуататорский класс: аристократия, буржуазия и др.; противоборство и противников революции: контрреволюционер, реакция и др.; понятия, соотносимые с капиталистическим строем: безработица, милитаризм и др.

б) идеологические значения лексем (неполные идеологемы). К подобным идеологемам относятся также слова из области «свой»: *пятилетка, революция* и др.; из области «чужой»: *капитал, эксплуатация* и др.

Собственно идеологемы и идеологизированная лексика различаются характером семантических идеологических трансформаций. Так, деидеологизация собственно идеологем приводит к утрате значения (ср. *крестьянин* «1. Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли. 2. Представитель низшего податного сословия в дореволюционной России» (МАС) и *крестьянин* «Сельский житель, занимающийся возделыванием сельскохозяйственных культур и разведением сельскохозяйственных животных как своей основной работой» (СОШ 2003)). Деидеологизация идеологизированной лексики проявляется в утрате лишь идеологического компонента значения (ср.: *религия* «1. Мировоззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование бога, сверхъестественных сил, управляющих миром» (МАС) и *религия* «Мировоззрение, мироощущение и поведение, основанные на вере в существование Бога (богов)» (ТС XXI в.)).

3.Смысловые (контекстуальные) идеологемы – слова и фразеологизмы, идеологическое значение которых, не отражённое непосредственно в самой структуре, формируется в результате активного употребления в определённых идеологических контекстах. В такие слова вкладываются те идеологические смыслы, которые представляются значимыми для идеологии (идеологий). То есть это ключевые слова идеологии (идеологий). В составе смысловых идеологем следует различать две группы: моноидеологемы (например, социалистические: *труд, трудящийся, советский, революция* и др.) и полиидеологемы (например: *демократия, патриотизм, интернационализм, гражданское общество* и др.; ср.: *социалистическая демократия, либеральная демократия, фашистская демократия* и т.д.).

Все идеологемы оценочны, поскольку безразличны к оппозиции «свой/чужой». Оценка при этом имеет разную природу, по-разному отражается в структуре ЛЗ: в виде обязательных или в виде факультативных (потенциальных, ассоциативных, коннотативных) компонентов. Идеологический плюрализм перестроечного и постперестроечного периодов обусловил возможность идеологических антиномий – разноречивого осмысления и толкования идеологических понятий, что проявилось в двуоценочности собственно идеологем,

обозначающих идеологические понятия: ср.: *коммунизм – будущее человечества* и *крах идей мирового коммунизма* и т.д.

Базовая идеологическая оппозиция «свой/чужой» имеет двоякую природу. С одной стороны, она является основой всех идеологических концептов, определяя их полярное расположение по шкале. С другой стороны, она сама является самостоятельным идеологическим концептом, со своими средствами репрезентации (главным образом, антонимами: языковыми и идеологическими, контекстуальными, противопоставленными по признаку «свой/чужой»): *Международному противостоянию труда и капитала навязывается форма «войны цивилизаций»* (Программа КПРФ).

Грамматические средства служат роли дополнительных средств в выражении идеологии. Основным таким грамматическим средством является местоимение *мы*, а также соответствующее ему местоимение *наш*. В идеологическом дискурсе они наполняются особым смыслом. Основные употребления местоимений *мы*: *мы*-эксклюзивное в значении «*мы*-партия» (где «*партия*» понимается как любой институт): *Мы – партия российских патриотов* (Программа «Яблоко»); *мы*-инклюзивное в значении «*мы*-партия + народ»: *И все мы будем гордиться, что родились и выросли в сильной и крепкой Стране* (Программа РСР); основные употребления местоимения *наш*: «*принадлежащий мы-партии*»: *Наш принцип – государство для человека, а не человек для государства* (Программа ПР); «*принадлежащий мы-партии + народу*»: *В новый век и новое тысячелетие наша страна вступила без чёткого понимания своего места и роли в мире* (Программа ПР).

Анализ употребления этих местоимений в идеологических контекстах выявляет их функции. *Мы*-эксклюзивное и соответствующее ему местоимение *наш*, во-первых, выражают идеологическую позицию, открыто (аргументативно либо эмоционально) воздействуя на адресата. Во-вторых, они являются показателем активной идеологической позиции партии и каждого её члена (особенно в позиции агенса). В-третьих, они маркируют наиболее значимые для субъекта идеологические сферы. В-четвёртых, они, маркируя значимые сферы, закрепляют за ними зоны своей ответственности (особенно в позиции агенса). *Мы*-инклюзивное и соответствующее ему местоимение *наш* выполняют манипулятивную функцию установления контакта с адресатом.

Таким образом, язык располагает системой идеологических средств: как специфических (собственно идеологемы, идеологизированные слова), так и проявляющих свою специфику в идеологическом дискурсе (смысловые идеологемы и грамматические

средства). Идеологичность – это особый, специфичный для ПД, вид воздействия, поскольку основные (лексические) и вспомогательные (грамматические) идеологические средства используются для утверждения идеологии.

Оценочные средства. Основным средством выражения оценочного значения являются **лексико-фразеологические средства**.

За основу классификации оценочной ОПЛ берут денотативную соотнесённость её предмета, распределяя её по тематическим группам (соответствующим определённым ментальным сферам политики). Целесообразно также рассматривать оценочную ОПЛ с позиций места и статуса оценочного компонента в структуре ЛЗ.

1. **Собственно оценочная лексика** - лексика и фразеология с обязательным оценочным компонентом значения:

а) **лексика с понятийным оценочным содержанием:** **ингерентная политическая:** *истеблишмент, охлократия, конформизм; адгерентная политическая:* *(политическая) афера, (политическая) авантюра* и т.п.;

б) **лексика с оценочными коннотациями (экспрессивы): метафоры** (ингерентные политические: *кулак, марионетка, оттепель*; адгерентные политические: *попрошайка, должник* (об экономической ситуации России)); **фразеологизмы:** *охота за ведьмами, империя зла, культ личности* и др.; **экспрессивы-дериваты:** *совдепия, сталинщина, лжедемократия* и др.

2. **Потенциально-оценочная лексика** – лексика и фразеология с факультативным коннотативным оценочным компонентом. К ней относятся, в частности, собственно идеологемы, обозначающие идеологические понятия (но не выражающие при этом оценочного отношения), например: *капитализм, социализм, коммунизм, перестройка* и т.п.

3. **Контекстуально-оценочная лексика** - лексика, приобретающая оценочный характер в определённом контексте. Эти контексты нельзя назвать устойчивыми, поэтому такая оценка не может претендовать на статус коннотативного факультативного компонента: ***эта Конституция*** (А.Б. Баркашов. 1998), ***Новым президентом страны должен быть политический лидер, имеющий внятную и позитивную идеологию действия*** (Известия. 2008. №20) и др.

Грамматические средства выражения оценки. Среди грамматических средств следует выделять основные и вспомогательные средства.

1. **Основные средства** – средства, непосредственно выражающие оценку: **оценочные конструкции** (за основу выделения которых берётся коммуникативный подход, согласно чему рема совпадает с лексическими оценочными средствами): *Россия, без преувеличения, это*

страна правового нигилизма (Д.А. Медведев. 2008) (N_1-N_1 - прототипическая для ситуации оценки схема (см.: Фомина Ю.А. Функциональный потенциал номинативных оценочных высказываний в современном русском языке: дисс. ...к.ф.н. Н. Тагил, 2009. 203 с.)); *Мы патриоты своего Отечества* (Программа КР) (Prop - N_1 , где подлежащее – «мы-партия», сказуемое - идеологема; схема, характерная для СПО); *Приватизация ограбила население страны* (В.В. Жириновский, 2008) и др.; оценочные микро- и макротексты (например, тёмные/светлые картины настоящего, прошлого и будущего).

2. Вспомогательные средства – средства, не выражающие оценку, но актуализирующие и усиливающие (семантически или эмоционально) её в высказывании: выделительно-ограничительные частицы: *Но «ЕдРо» и её вассалы давно могли сделать всё, что ныне только обещают* (Г.А. Зюганов); наречия меры и степени: *Убеждён, что такое многообразие позиций, открытый гражданский диалог для нашего общества чрезвычайно важны* (Д.А. Медведев. 2008); средства экспрессивного синтаксиса, где оценочные смыслы оформлены в виде риторического вопроса: *Россия – на втором месте в мире по числу миллиардеров, но на одном из последних по продолжительности жизни. Разве это нормально?* (Г.А. Зюганов. 2008); риторического восклицания: *А центр коррупции в Москве!* (В.В. Жириновский); парцеллята в парцеллированной конструкции: *Но с учётом того непростого пути, который уже Россия прошла в XX веке, и того, как успешно стартовал для нас век XXI, шансы у нас очень неплохие. Просто хорошие шансы* (Д.А. Медведев, 2008); цитаты: *Сам он это опроверг, назвав отказ от борьбы «предательством интересов трудящихся»* (АиФ. №5. 30 января 2008 г.); антитезы: *Россия – на втором месте в мире по числу миллиардеров, но на одном из последних по продолжительности жизни* (Г.А. Зюганов, 2008); непрямого порядка слов: *Нужно ясно понимать: если мы хотим стать цивилизованным государством – нам нужно прежде всего стать государством правовым* (Д.А. Медведев. 2008); рядов однородных членов: *...мы ...понимаем то, какой не должна быть наша страна. Она не должна быть слабой, бедной, неэффективной, расплзающейся на части, она не должна страдать от технологической отсталости, от произвола чиновников, от коррупции, от терроризма...* (Д.А. Медведев, 2011) и др.

В целом, оценка в ПД имеет особенно категоричный характер (что достигается преимущественной экспрессивностью оценочных номинаций, активностью модальных слов с семантикой уверенности в

оценочных конструкциях, широким кругом грамматических средств актуализации и усиления оценочных смыслов).

Средства экспрессивности. Лексико-фразеологические средства. Все лексические экспрессивы наиболее последовательно распределяются по группам, выделяемым на основании мотивированности экспрессивного значения (с точки зрения современного русского языка) (на идею подобной классификации наталкивает типология стилистически окрашенных слов М.Н. Кожиной (Кожина М.Н. *Стилистика русского языка: учебник*. М.: Просвещение, 1993)).

1. **Собственно экспрессивы** - слова с немотивированным экспрессивным значением: ингерентные политические экспрессивы: *камарилья, нутч, нувориш, держава, креатура* и др.; адгерентные политические экспрессивы: *Мы...за то, чтобы любое чиновное хамство и бюрократическое чванство карались по всей строгости закона и социальной морали* (СР. 2007. 30 ноября); *Как бы ни бахвалился нынешний режим, он не опирается на большинство народа* (Г.А. Зюганов. 2008) и т.д.

2. **Экспрессивы-дериваты** - слова с мотивированным экспрессивным значением.

А) **Семантические экспрессивные дериваты** - слова, нейтральные в прямом значении, приобретающие экспрессивность при переносном (образном) употреблении: метафоры, метонимии, фразеологизмы.

Метафора как основной семантический дериват в ПД претендует на роль главного средства экспрессивности. Экспрессивную (образную) природу метафоры наиболее последовательно и логично обосновывает структурно-семантическая теория, рассматривающая метафору как средство реализации потенциального ассоциативно-образного компонента прямого наименования. Экспрессивность – это одна из основных функций политической метафоры. На эту мысль наводит выявленный факт преимущественно глагольного характера политической метафоры (65% от общего числа употреблений глагольной метафоры плюс 20% от общего числа употреблений отглагольной именной метафоры): *не удержали государство* (В.В. Жириновский, 2010); *подтолкнуть компании к инновациям* (В.В. Путин, 2008) *разделение русского народа* (В.В. Жириновский, 2010); *восстановление России* (В.В. Путин, 2011) и др., благодаря чему метафора в ПД имеет удвоенную экспрессивную силу (учитывая признанную экспрессивность глагольной семантики). Превалирующая при этом доля единиц вспомогательного субъекта с акциональной семантикой (41% от общего количества употреблений) характеризует политическую сферу как область активных действий, выражает

активную позицию субъектов политики, направлена на активизацию действий адресата.

Метонимия, несмотря на свою немногочисленность, претендует на статус экспрессивного средства, достойного внимания исследователей ПД. Свою немногочисленность она вполне компенсирует особой значимостью для ПД, обусловленной символическим характером, точнее, символической соотнесённостью и с источником метонимизации, и с его денотатом: *белые, красные, коричневые; оранжевая революция, лимонная революция; жириновские, зюгановы, ельцины, путины; обиженный и репрессированный Кремлём* (НГ. 2008. № 11-12); *гонка за кресло президента* (МК. 5-12 марта. 2008); *для думских портфелей даже не хватило кандидатов* (НГ. 2008. №10) и т.д.

Фразеология, по большей части основанная на метафорическом и метонимическом переосмыслении, составляет значительную часть корпуса экспрессивов ПД. Для фразеологии в ПД характерна предельная степень экспрессивности. Это достигается, во-первых, посредством значительного расширения её границ за счёт:

– политической афористики, к которой относятся: памятные фразы: *Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить* (Б.Н. Ельцин. 1990); призыв: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; лозунг: *Побеждает Зюганов – побеждает народ* (Г.А. Зюганов. 2008); программное заявление: *Наш программный принцип - не человек для власти, а власть для человека!* («Единая Россия»); слоган: *Вместе победим!* (Д.А. Медведев. 2008); девиз: *Не останавливаться – идти вперёд!* (А.В. Богданов. 2008) и др.;

– неустойчивых перифраз, представляющих собой описательную характеристику объекта: *тандем Медведев - Путин* – современная власть (АиФ. №4. 2008); *главный коммунист* – Г.А. Зюганов (АиФ. №4. 24 января. 2008); *исчезнувшая цивилизация* - СССР (Труд. 2008. 3 марта) и др.;

– тяготеющих к устойчивости (частотных в употреблении) экспрессивных оборотов (обычно ситуативных, привязанных к конкретному периоду, лицу или событию): *сталинские репрессии, хрущёвская оттепель, эпоха перестройки (оттепели, застоя, советская, тоталитарная)* и т.д.

Высокая степень экспрессивности достигается, во-вторых, за счёт явно прослеживающейся тенденции к трансформированию традиционных фразеологизмов: *реформаторы с большой дороги* (Правда. 1999. №9); *Олигархи... живут с булыжником за пазухой* (АиФ. 2007. 19 декабря) и др.

Б) Словообразовательные экспрессивные дериваты.

Применительно к ПД целесообразно говорить об экспрессивных деривационных средствах: суффиксах со значением лица: *-енец*: *отщепенец*; *-щик*: *перестройщик*; *-чик*:- *переворотчик*; *-'ак*: *коммуняка*; *-'уг*: *журналюга*, *-уш*:- *чинуша*; *ей*:- *богатеи*; *-оид*:- *путиноид*; суффиксах с абстрактным значением: *-щин*:- *горбачёвщина*; в том числе суффиксойдах *-кратиј*:- *ворократия*; *-фобиј*:- *русобфия* и т.п.; префиксах типа *сверх*-, *супер*-, *архи*-, *мульти*- 'очень': *сверхдержава*, *суперинфляция*; *псевдо*-, *лже*-, *квази*-, не-'истинность, ложность': *лжедемократ*, *псевдореформы*; *недо*:- *недоперестройка*; *анти*:- *антипатриот*; *де*:- *депопуляция*; *контр*:- *контр-перестройка* и др.; отдельных конфисках: *анти-совет-чик*, *зачист-к-а*, *рас-тащил-овк-а*, *за-мир-ени-е* (Чечни) (Лимонка. 2004. Май), *за-един-щик-и* (СР. 2007. 29 ноября) и др.

Кроме того, целесообразно говорить об экспрессивных способах словообразования: сложении: *национал-коммунист*, *добровольно-принудительный*, *чёрно-коричневый*, *политкасторжанин*, *демрежим*, *бритоголовые* (скинхеды) и др.; аббревиации: слоговые аббревиатурные обозначения, образованные от названий политических партий: *единоросс* (от «Единая Россия») и др., буквенные аббревиатуры, образованные от инициалов политиков: *ВВП*, *ВВЖ*, *БНЕ* и др.

Можно выделить продуктивные словообразовательные типы, действующие в сфере выражения экспрессивности: *демократия*, *охлократия*, *плутократия*, *ворократия*, *клетократия*, *энократия*, *мафиократия*, *дерьмократия*; *геноцид*, *этноцид* и т.п.

В ПД активно оказиональное словообразование: субституция (замена морфем): *россиянец*, *Рассеяния*, *гайдарьянец*, *коммуняка*, *дымократ*; словообразовательная контаминация (гаплогология) - междусловное наложение, в результате которого образуются сложносокращённые слова особого типа: *катастројка* (*катастрофа* + *перестройка*); *прихватизация* (*приватизация* + *хватать*); *демократура* (*демократия* + *диктатура*) и др.

Последовательное распределение экспрессивов по группам с положительной и отрицательной эмоциональной оценкой позволяет выделить в составе последней отдельную группу - средства речевой агрессии: инвективы (бранная лексика, жаргонизмы (главным образом, арго)): *Вот вам власть дураков, которые делают так, что в армии убивают, в милиции убивают, торговцы не могут торговать – всех душат, дают* (В.В. Жириновский. 2009); ярлыки: *Российская империя - жандарм Европы*; метафора (главным образом, со сферой-источником «Война», «Преступный мир», «Животные» (Ряпосова А.Б.

Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.) Дисс. ... к.ф.н., Ек-г, 2002, С. 50); *Мы сражались за интересы державы и трудового народа, когда светлые идеалы втаптывались в грязь, а из разных углов раздавалось чавканье и хрюканье деливших схваченное добро* (Г.А. Зюганов. 2001); прозвища: *Жирик, Зю, Хрущ кукурузный, Борис кровавый* и др.

Среди стилистических приёмов ПД наиболее активна ирония, достигающаяся посредством кавычек в значении «так называемый»: *Немедленно начать выплату вкладов, которые отобрали у народа ельцинские «реформы»* (Г.А. Зюганов. 2008) и др., а также различные приёмы языковой игры: *Я хочу построить настоящее будущее России* (М.Д. Прохоров. 2012); *Тень Победы* (Лимонка. 2004. №5) и др.

Грамматические средства. Основным грамматическим средством экспрессивности являются разнообразные стилистические фигуры: риторический вопрос (всех разновидностей): *Это ли не национальный позор?* (Г.А. Зюганов. 2010); парцелляция: *Нам потребуются корректировка налоговой политики. Принятие мер, которые бы стимулировали развитие экономики* (В.В. Путин. 2008), параллелизм: *20 лет борьбы, 20 лет побед, 20 лет становления партии* (В.В. Жириновский. 2010); антитеза: *Нам предстоит начать немедленное восхождение или оказаться на самом дне* (Г.А. Зюганов. 2011); эллипсис: *Всех коррупционеров - за решётку пожизненно!* (В.В. Жириновский. 2008) и др., а также другие средства экспрессивного синтаксиса: ненейтрально оформленные однородные члены предложения: *Ныне наступил ... этап её (России) возрождения как великой державы, могучей и миролюбивой, гуманной и демократической, свободной и процветающей...* (Программа ЛДПР); повторы слов: *Холокост показал, как легко «срывается предохранитель», удерживающий цивилизацию от зверства. Зверства, неизбежно ведущего к гибели человечества* (В.В. Путин. 2005) и др.

Фонетические средства. Основным фонетическим средством выражения экспрессивности в ПД является интонация. В ПД используются: всё разнообразие ненейтральных ИК; паузы: *Уважаемые коллеги, нам действительно есть что предъявить за последние 8 лет. Но... Но мы не можем останавливаться и успокаиваться на том, что уже сделано, на том, что достигнуто* (В.В. Путин. 2008); авторские знаки препинания в письменной речи как показатель ненейтральной интонации: *Цена жилья – неподъёмна для обычной семьи* (Г.А. Зюганов); дополнительные средства ненейтрального «инвентаря»: скандированное произношение: *А теперь предлагаю показать, как съезд «Единой России» относится к России.*

Россия, ура! (Скандирует вместе с залом) *Россия, Россия, Россия, Россия!* (В.В. Путин. 2011), рифма: *Зюганов верный курс берёт: Россия, Родина, Народ!* (Г.А. Зюганов. 2008), послоговое произнесение: *Мы ничего не нарушаем. Ни-че-го* (В.В. Путин. Вести. Утро. 2013. 17 июня).

В целом для ПД характерна высокая (часто предельная) степень экспрессивности. Это во многом достигается за счёт двойного экспрессивного эффекта: усилением «извне» уже имеющейся «внутри» экспрессивности (у метафор – за счёт глагольной семантики, у метонимии – за счёт символичности обозначаемого, у фразеологии – за счёт трансформаций, у инвектив – за счёт ограниченности в употреблении, у окказионализмов – за счёт новизны, у стилистических фигур – за счёт намеренного нарушения норм и т.п.).

Манипулятивные средства. Язык не располагает специфическими манипулятивными языковыми средствами, а имеет в своём арсенале лишь средства с суггестивным (внушающим) потенциалом, который можно использовать для реализации манипулятивных стратегий.

Лексико-фразеологические средства. Манипулятивным целям могут служить следующие лексико-фразеологические средства.

1. **Метафора.** Манипулятивную сущность метафоры обосновывает когнитивная теория, согласно которой метафора является способом познания, концептуализации, структурирования ЯКПМ. Это позволяет субъекту политической коммуникации с помощью метафор навязывать адресату выгодную для себя картину мира. Манипулятивный потенциал метафоры проявляется в реализации стратегий редуцирования. Так, оценочная метафора активно используется для создания образов светлого/тёмного настоящего, прошедшего, будущего: *тяжелый груз прошлого* (Программа ЛДПР) – образ прошлого; *Россия находится на крутом изломе своей истории* (Программа КПРФ) – образ настоящего; *этап очищения России* (Программа ЛДПР) – образ будущего; для создания привлекательного/отталкивающего имиджа: *Хочу сказать, что на протяжении всей своей жизни всегда я чувствовал себя частичкой нашей страны и нашего великого народа* (В.В. Путин. 2011); *...тут же последовало заявление Барака Обамы про «сकुшающего школьника» Владимира Путина...* (П. Быков. Эксперт. 2013. 19 августа); для создания стереотипного, односторонне выгодного видения политических явлений, например, модель **ВЫБОРЫ – ЭТО ВОЙНА**, посредством которой предлагается видение ситуации выборов через призму военной метафоры, чем внушается мысль о том, что политические оппоненты – враги (в том числе, и для народа), которых

необходимо уничтожить: *От обороны – к всенародному наступлению!* (Г.А. Зюганов. 2011); *Арсенал политических манипуляций у правящего режима сжимается* (Г.А. Зюганов. 2011) и т.д.

2. Эвфемизмы – смягчающие слова и фразеологизмы - служат манипулятивным целям, благодаря своим способностям «маскировать истинный смысл явлений» (Кара-Мурза. Манипуляции сознанием. М., 2000). Роль эвфемизмов могут выполнять: метафоры (как семантически двуплановые единицы): *зачистка, этническая чистка, нейтрализация* вместо *военная операция, уничтожение, убийство* и др.; гиперонимы (как обобщающие наименования, лишённые коннотаций): *конфликт, операция, акция* вместо *война, военные действия* и др.; иноязычные слова (как «престижные» наукообразные наименования, значение которых может быть известно не всем носителям языка): *оптимизация, секвестирование* вместо *сокращение* и др.; фразеологизмы (как перифразы негативных наименований): *живущие за чертой бедности, ниже черты бедности* вместо *нищие* и др.

3. Оценочные слова и фразеологизмы используются для реализации стратегии редуцирования в её стремлении к стереотипизации явления путём навязывания оценок. В итоге формируется положительная/отрицательная картина явления. Так создаются светлые/тёмные темпоральные образы России, положительный/отрицательный имидж политика (примеры см. выше), формируется стереотипное (чёрное/белое) общественное мнение об актуальном явлении: *Мы не договоримся с Геннадием Андреевичем по оценке товарища Сталина, его исторической роли и так далее. Для него и для его коллег по коммунистической партии Сталин – герой, кумир, вождь, для меня это величайший преступник, вурдалак, виновный в гибели миллионов и миллионов людей. Человек, который заслужил почётное место в аду рядом с Гитлером...на которого он больше всего и похож* (Л. Гозман. Россия 1. 2011. 25 апреля).

4. Ключевые слова-идеологемы (смысловые моно- и полиидеологемы) используются в стратегии установления контакта с адресатом. Так, представители разных идеологий, желая «понравиться» избирателю, возводят в свои принципы идеи демократии, свободы, равенства, справедливости, единства; определяют своими целями построение гражданского, правового общества; провозглашают себя патриотами, интернационалистами и т.д. (примеры см.: гл. 2).

5. Слова с общей семантикой «мы-партия + народ» (где «партия» имеет общее институциональное значение) также используются в стратегии установления контакта (по О.Л. Михалёвой (Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. С.

78-82)): наречие вместе: ...вместе мы сделаем Россию настоящему современной, высокоразвитой и комфортной для жизни страной (Д.А. Медведев. 2011); слова типа единый, общий, сплочённый и их производные: Мы едины в самом главном – хотим счастья нашей стране, и мы её очень любим (Д.А. Медведев. 2011); обращения с семантикой сопричастности к народу, совместности с народом: Друзья!; Дорогие друзья!; Уважаемые граждане! Соотечественники!; Сограждане!

6. Разговорные слова, жаргонизмы проявляют свой манипулятивный потенциал в реализации стратегий установления контакта: Все эти страшилки почему-то любят наш Минфин, наше правительство говорить (С.М. Миронов. ОРТ. 2011. 15 ноября); Ну это за предел! Это, к сожалению, не просто преступление, это циничное попрание любых международных норм! (Д.А. Медведев. Rustavi 2. 2011. 8 августа) и т.д.

7. Слова, обозначающие количество, реализуют свой манипулятивный потенциал в случаях, когда предоставляют выгодную/невыгодную статистику, способствуя чёрному/белому окрашиванию темпоральных образов (и имиджа руководителя определённого периода): В руках 1% населения сосредоточена большая часть богатства и доходов, тогда как 85% населения в несколько раз снизили уровень жизни в сравнении с дореформенным периодом (Программа КР); когда определяют конкретные сроки наступления светлого будущего: С приходом ЛДПР к власти Россия в течение 3-5 лет возродится, в 2-3 раза повысится благосостояние всех россиян... Иначе стране придётся прожить ещё лет 50 в таком тяжёлом состоянии, как сейчас (Программа ЛДПР).

Грамматические средства. Наиболее часто к реализации манипулятивных стратегий привлекаются:

1. Мы-инклюзивное в значении «мы-партия + народ», наш в значении «принадлежащий мы-партии + народу» (где «партия» имеет общее институциональное значение). Используются для реализации стратегии установления контакта. Субъект политической коммуникации («мы-партия») позиционирует себя как единое целое с адресатом («народом»): Мы граждане одной страны! (Программа РСРП); Нашими общими усилиями XXI век должен стать веком величия и процветания России (Программа ЕР).

2. Пассивные конструкции, конструкции с номинализацией используются для реализации стратегий имплицирования (в них имплицирована информация о принадлежности субъекта к области своего/чужого (поскольку позицию агенса в таких конструкциях может занять идеологически разнородный субъект), но которая легко

расшифровывается в сознании адресата, исходя из положительного/отрицательного контекста): редуцирования (они выполняют роль в создании положительных/отрицательных образов своего/чужого, в том числе в перекалывании ответственности за всё плохое на «чужого»), ср.: *Была ликвидирована массовая неграмотность, осуществлена культурная революция* (Программа КПРФ) - действия, приписываемые «своим»; *А до чего доведена армия?* (В.В. Жириновский. 2012) – действия, приписываемые «чужим»; дистанцирования от выражаемого мнения: *В обществе должны быть созданы условия для предпринимательства и творчества* (Программа ЕР) - «жем-то должны быть созданы»; *Поэтому ужесточение миграционного законодательства неизбежно* (В.В. Жириновский. 2012).

3. Неопределённо-личные конструкции с общей семантикой отчуждения (поскольку ØЗ_н – это всегда «чужой» (по Т.В.Булыгиной, А.Д. Шмелёву, см.: Там же, с. 88)) редуцируют область «чужого», окрашивая его в негативные тона, перекалывая ответственность за пагубные действия и слова на «чужого»; а также создают тёмные темпоральные образы: *20 лет назад незаконно расчленили СССР – какая польза от этого и, главное, кому?* (В.В. Жириновский. 2012).

4. Конструкции с конвенциональными импликатурами (пресуппозициями), в которых ассерция (то, что необходимо доказать, в нашем случае – внушить) подаётся под видом пресуппозиции (то, что очевидно, истинно, не требует доказательств) (по Т.В.Булыгиной, А.Д. Шмелёву (см.: Там же, с. 114-115)): *Государство должно регулировать цены* (Г.А. Зюганов) – пресуппозиция «государство не регулирует цены». При этом чаще всего имплицитуются оценочные смыслы.

5. Конструкции с коммуникативными импликатурами, в которых имплицитная информация подаётся под видом нарушения Принципов кооперации (по Г.П. Грайсу, см.: Грайс Г.П. Логика речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237). Например, нарушение принципа количества: *Но делали заявления, что двери НАТО открыты для Грузии, так что...* (Rustavi 2. 2011. 8 августа).

Кроме упомянутых средств, для манипулятивных целей привлекаются также: антитеза (как реализация стратегии редуцирования образов «свой/чужой»), цитаты (как реализация стратегии дистанцирования от выражаемого мнения), утверждение, избыточные повторы, эллипсис и т.д.

В целом, проявления скрытого психологического воздействия в ПД не менее разнообразны и распространены, чем проявления

эмоционально-психологического воздействия. Манипулятивное воздействие особенно активизируется в предвыборный период.

Таким образом, специфика ПД обусловлена сферой его функционирования (политикой) и проявляется в его структуре, свойствах, функциях, языковых и речевых средствах выражения. Это позволяет свидетельствовать об особом месте ПД в структуре всего дискурса.

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования.

В приложении представлены источники фактического материала.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях.

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Каримова, А.А. Оценочная лексика и фразеология как средство выражения современного политического дискурса (на примере тематической группы «Социальная стратификация общества» / А.А. Каримова // Вестник Башкирского университета. – 2009. - Т.14. - № 4. - С. 1408-1413
2. Каримова, А.А. Социально-политическая оценка как проявление современного политического дискурса / А.А. Каримова // Политическая лингвистика. –2011. - № 1(35). - С. 130-135
3. Каримова, А.А. Оценочные трансформации как характерная черта современного политического дискурса / А.А. Каримова // Вестник Башкирского университета. – 2011. - Т. 16. - № 3. - С. 705-708
4. Каримова, А.А. О системном характере «цветовой» лексики в политическом дискурсе / А.А. Каримова // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. - № 2. - С.272-276
5. Каримова, А.А. Оценка в политическом дискурсе: структурные особенности социально-политической оценки / А.А. Каримова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. - 2012. - № 149. - С. 59-67
6. Каримова, А.А. Текст и дискурс: Соотношение понятий / А.А. Каримова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – 2013. - Т. 10. - №2. - С. 19-24
7. Каримова, А.А. Ментальные сферы концептуальной политической метафоры в языковой экспликации / А.А. Каримова // Вестник Башкирского университета. - 2013. – Т. 18. - №2. - С. 461-465
8. Каримова, А.А. Дискурс: принципы определения понятия / А.А. Каримова // Вестник ВЭГУ. –2013. - №5 (67). - С. 123-129
9. Каримова, А.А. Метафора как способ структурирования языковой картины политического мира / А.А. Каримова // Вестник

Оренбургского государственного университета. – 2013. - № II (160). – С. 91-97

Монографии:

10. Карамова, А.А. Оценочная общественно-политическая лексика и фразеология современного русского языка (вторая половина XX века): Монография / А.А. Карамова. - Уфа: РИО БашГУ, 2004. - 158 с.

11. Карамова, А.А. Лексика современного политического дискурса: Монография / А.А. Карамова - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. - 240 с.

Учебные и учебно-методические пособия:

12. Карамова, А.А. Категория оценки в современном русском языке: Учебное пособие / А.А. Карамова. - Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 52 с.

Статьи в научных журналах и сборниках:

13. Карамова, А.А. Формы вежливого обращения / А.А. Карамова // Проблемы прикладной лингвистики. Часть 1: Сборник материалов Всероссийского семинара (декабрь 2000 г.). - Пенза, 2000. - С. 104-106

14. Карамова, А.А. «Новые русские»: оценка общественно-политического факта / А.А. Карамова // Филология һәм журналистика мәсәләре: Материалы IX республиканской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых преподавателей (26 апреля 2001 г.). - Уфа, 2001. - С. 180-181

15. Карамова, А.А. Метафора как средство выражения оценки (на примере общественно-политической лексики) / А.А. Карамова // Многомерность языка и науки о языке. Часть 2: Материалы Всероссийской научной конференции (2-3 июня 2001 г.). - Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2001. - С. 54-57

16. Карамова, А.А. Социальная оценка, её место среди других типов частных оценок / А.А. Карамова // Актуальные проблемы лингвистики: Юбилейный сборник. - Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2002. - С. 122-123

17. Карамова, А.А. Эмоциональная оценка в современном русском языке / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции (18-19 декабря 2003 г.). - Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2003. - С. 164-167

18. Карамова, А.А. Влияние социальных факторов на развитие оценочного общественно-политического словаря / А.А. Карамова // Вестник Бирского государственного педагогического института. Филология. - 2003. – Вып. 3. - С. 42-47

19. Карамова, А.А. Общеоценочная и частнооценочная лексика / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции (16-17 декабря 2005 г.). Вып. 2 - Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2005. - С. 370-374
20. Карамова, А.А. Взаимодействие разговорной речи и арго / А.А. Карамова, А.Ю. Никифорова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции (16-17 декабря 2005 г.). Вып. 2. - Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2005. - С. 374-376
21. Карамова, А.А. Коннотативный компонент значения языковой единицы, его объём / А.А. Карамова // Система языка в статике и динамике: Межвузовский научный сборник. - Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. - С. 110-112
22. Карамова, А.А. Оценочная лексика в современном русском языке (к определению состава) / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции (15-16 декабря 2006 г.). Вып. 3. - Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. - С. 315-319
23. Карамова, А.А. Арготизмы в современном русском языке (из опыта описания) / А.А. Карамова, А.Ю. Никифорова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции (15-16 декабря 2006 г.). Вып. 3. - Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. - С. 319-323
24. Карамова, А.А. Природа лексического значения, его структура, типы / А.А. Карамова // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии. Филология. – 2006. - Выпуск 9. - С. 39-42.
25. Карамова, А.А. Особенности разговорной речи в рассказах В. Шукшина / А.А. Карамова, А.А. Набиева // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции (14-15 декабря 2007 г.). Вып. 4. - Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. – С. 142-145
26. Карамова, А.А. Оценочные фразеологизмы в современном русском языке / А.А. Карамова // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка: Юбилейный сборник в честь Почётного академика АН РБ доктора филологических наук профессора Л.М. Васильева. - Уфа: Гилем, 2007. - С. 66-69
27. Карамова, А.А. Коннотация, коннотативная лексика в современном русском языке / А.А. Карамова // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии. филология. - 2009. - Выпуск 17. С. 35-40

28. Карамова, А.А. «Средний класс»: точка отсчёта в шкале социальной стратификации общества / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (3-4 декабря 2010). Выпуск 6. - Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2010. - С. 107-111

29. Карамова, А.А. Политически обусловленные оппозиционные связи слов ("белое" и "черное" в политике) / А.А. Карамова // Русский мир и русское слово межкультурном диалоге: Материалы Международной научно-практической конференции (25-27 мая 2011 г.). - Стамбул: Изд-во Фатих Университета, 2011. - С. 191 – 195

30. Карамова, А.А. «Цветовая» общественно-политическая лексика (на примере тематической группы «Политические партии») / А.А. Карамова // Слово на перекрёстке языков и культур: Межвузовский научный сборник. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. - С. 55-57

31. Карамова, А.А. Модель будущего в дискурсе выборов (на примере выборов Президента РФ в 2008 г.) / А.А. Карамова // В многомерном пространстве языка: Сборник научных статей с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. - С. 63-66

32. Карамова, А.А. Социально-политическая оценка, её функции / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (2-3 декабря 2011 г.). Вып. 7. - Бирск, 2011. - С. 216-220

33. Карамова, А.А. Социально-политическая оценка, морфемно-морфологические средства её выражения / А.А. Карамова // Наука и образование: Материалы IX международной конференции (28-29 марта 2012 г.). - Белово, 2012. - С. 60-65

34. Карамова, А.А. Синтаксические средства выражения оценки в современном политическом дискурсе / А.А. Карамова // Современная лингвистика и проблемы преподавания русского языка в техническом вузе: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (25-26 октября 2012 г.). – Уфа, 2012. - С. 97-101

35. Карамова, А.А. Метафорическое моделирование актуального политического концепта (*КРИЗИС – ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ*) / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (13 – 14 декабря 2012 г.). Вып. 8. - Бирск, 2012. - С. 141-144

36. Карамова, А.А. Функциональный аспект политической метафоры / А.А. Карамова // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (13 – 14 декабря 2012 г.). Вып. 8. - Бирск, 2012. - С. 145-149

Подписано в печать 11.11.2013 г.
Гарнитура "Times". Печать на ризографе с оригинала.
Формат 60x84^{1/8}. Усл.-печ.л. 2,26. Уч.-изд.л. 2,11.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ № 252.
Цена договорная.

452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, Интернациональная 10.
Бирский филиал Башкирского государственного университета.
Отдел множительной техники БФ БГУ

